

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09(091)

Бухаркин Петр Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
p.bukharkin@spbu.ru

Н. К. Гудзий — облик ученого в исторической ретроспективе

Для цитирования: Бухаркин П. Е. Н. К. Гудзий — облик ученого в исторической ретроспективе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (2): 158–171. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.201>

В последние десятилетия история филологической науки привлекает к себе устойчивое внимание исследователей, поэтому изучение наследия крупных ученых, оставивших в филологии свой след, имеет несомненное актуальное значение; к подобным ученым принадлежит Н. К. Гудзий (1887–1965). В статье дается общий очерк деятельности ученого с выделением наиболее остро встающих здесь проблем. В контексте современной культуры деятельность Гудзия интересна прежде всего в трех основных аспектах. Во-первых, он являет собой показательный пример резкого несовпадения общекультурной репутации ученого и реального объема сделанного им в науке. Гудзий известен прежде всего как автор знаменитого учебника «История древней русской литературы» (1938). Однако его творчество далеко не исчерпывается «Историей древней русской литературы» и медиевистикой вообще: ученый оставил существенный след во многих областях литературоведческой науки. Во-вторых, Гудзий принадлежал к относительно немногочисленным состоявшимся филологам первой половины XX в., опиравшимся преимущественно на опыт дореволюционной филологии; он не порывал с традициями и не видел в этом необходимости. Вместе с тем его исследования имели существенное значение не только для эпохи их создания; в некоторых отношениях они сохранили актуальность до сих пор, оказываясь созвучными важным интенциям современного гуманитарного знания. Это, в частности, демонстрирует аналитические потенции дореволюционной филологии. В-третьих, судьба Гудзия дает большой материал для осмысления положения успешного и, одновременно, принципиального ученого-гуманитария в 1930-е — начале 1950-х гг., о границах его возможностей и необходимых компромиссах. Под углом зрения данных проблем работы Н. К. Гудзия и его научная биография рассматриваются в статье.

Ключевые слова: Н. К. Гудзий, филология, славистика, русская литература, медиевистика.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Наследие Гудзия: некоторые проблемы изучения

Уже несколько последних десятилетий история филологической науки в обоих своих ответвлениях — литературоведении и лингвистике — привлекает к себе устойчивое внимание исследователей. Тут, однако, необходимо существенное уточнение: филологии (впрочем, как и другим наукам) интерес к собственному прошлому был присущ если и не всегда, то во всяком случае в течение всего XX в.; вряд ли имеет смысл перечислять здесь связанные с этим статьи, книги или комментированные публикации¹. И все же с рубежа 1980–1990-х гг. отношение к металитературоведческим проблемам стало существенно иным, что связано с целым комплексом разных обстоятельств. Это и снятие многочисленных имевшихся ранее ограничений, и интеграция в мировую гуманитарную науку, и активное обращение к теоретико-методологическим вопросам, и новое видение культурной истории минувшего столетия, и многое другое. В связи с этим изучение наследия ярких гуманитариев, оставивших в филологии свой след, несомненно имеет отчетливо актуальное значение. Подобные исследования могут вестись в различных направлениях: одни насыщены неизвестными прежде архивными документами, другие предлагают оригинальные концептуальные прочтения тех либо иных литературоведческих сюжетов, третьи представляют собою общий очерк деятельности ученого с выделением наиболее остро звучащих проблем. Именно к последнему типу относится и данная статья, посвященная жизни и трудам Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965).

Как ученый очень крупного калибра, более того, как культурный феномен Н. К. Гудзий весьма значим по целому ряду разнородных причин. Во-первых, он являет собой показательный пример резкого несовпадения общекультурной репутации ученого и реального объема сделанного им в науке: Гудзий известен прежде всего как автор знаменитого учебника «История древней русской литературы», многократно переиздававшегося вплоть до самого последнего времени (1-е издание — 1938, 8-е издание — 2002). Можно сказать, что само имя Гудзия приобрело оттенок культурной метонимии и в студенческом филологическом сообществе середины — второй половины XX в. могло употребляться в качестве обозначения учебника (нечто похожее произошло с именами А. А. Реформатского, И. М. Тронского и некоторых других). Однако содержательная часть наследия Гудзия далеко не исчерпывается не только «Историей древней русской литературы», но и медиевистикой вообще: ученый оставил существенный след во многих областях литературоведческой науки. Во-вторых, Гудзий принадлежал к относительно немногочисленным состоявшимся филологам первой половины XX в., опиравшимся преимущественно на опыт дореволюционной филологии (так же как, напр., В. П. Адрианова-Перетц, А. С. Орлов или же Л. Б. Модзалевский, в эмиграции — в некотором отношении А. Л. Бем). Вместе с тем его исследования имели существенное значение не только для эпохи их создания; в некоторых отношениях они сохранили актуальность до сих пор — и не просто фактографической своей составляющей: они представляют

¹ Если говорить о строго научных публикациях литературоведческих трудов, комментарии в которых перевели данные издания в плоскость изучения истории науки, то в первую очередь надо указать на публикации работ В. В. Виноградова, подготовленные А. П. Чудаковым; их начало датируется 1970-ми гг. [Виноградов 1976].

и теоретико-методологический интерес, оказываясь в некоторых отношениях созвучными важным интенциям современного гуманитарного знания. Это, в частности, демонстрирует аналитические потенции дореволюционной филологии, их способность к творческому и весьма плодотворному развитию в новом научном пространстве. В-третьих, судьба Гудзия дает большой материал для осмысления положения успешного и, одновременно, принципиального ученого-гуманитария в 1930-е — начале 1950-х гг., о границах его возможностей и необходимых компромиссах. Эти (и некоторые другие) обстоятельства понуждают к достаточно подробной характеристике жизни и трудов Гудзия. Как раз на этих только что выделенных проблемах я по преимуществу и остановлюсь в дальнейшем.

Творческий путь ученого

Деятельность, да и сама жизнь Гудзия (так как она обуславливалась прежде всего и по преимуществу учеными его занятиями) были связаны в первую очередь с Москвой. Впрочем, родился и сформировался Гудзий на украинской земле; особую роль в определении его научных пристрастий и человеческих позиций вообще сыграли годы учения в Киевском университете Св. Владимира, где весной 1908 г. «после полугодичного <...> странствия по лекциям факультетских профессоров и приват-доцентов» [Гудзий 1965: 167] произошла, вероятно, главная в его научной биографии встреча — с относительно молодым тогда В. Н. Перетцом, семинар (семинарий, как тогда, да и позже, это называлось) которого Гудзий впоследствии называл «школой незабвенного нашего учителя» [Гудзий 1963а: 264]. Связь с Украиной и ее культурой отчетливо проявлялась в течение всей жизни ученого; украинская литература неизменно находилась в поле его зрения. Наибольший интерес вызывала у него, что вполне естественно, украинская словесность Средних веков и раннего Нового времени, но писал Гудзий и о новой украинской литературе, и о традициях украинской филологии, в частности — об И. Франко и А. И. Белецком. К последнему — своему сотоварищу — Гудзий относился с подчеркнутым уважением: «Чрезвычайно высоко ценил Н. К. Гудзий научную деятельность своего друга академика А. И. Белецкого. “Какой я ученый, — говорил он в личной беседе. — Вот Александр Иванович, это — ученый”» [Чичерин 1985: 215].

Важным оказалось для Гудзия и преподавание в Таврическом университете, профессором которого он был с 1918 по 1921 г.; несмотря на, казалось бы, малоблагоприятную для интеллектуальных упражнений обстановку, сложившуюся в те годы в Крыму, работа в Симферополе немало дала Гудзию (как и некоторым другим филологам, оказавшимся там в то время, напр. А. А. Смирнову²) — в частности, расширила сферу его исследовательских занятий: выходя за пределы медиевистики (в которых, впрочем, он не замыкался и раньше³), ученый пишет статьи о литераторах XVIII–XIX вв. [Гудзий 1919а; 1919б], а также пробует для себя возможности другой, более эссеистической (а не сугубо академической) манеры письма [Гудзий 1919в]⁴.

² Культурную обстановку в Симферополе в те годы, прежде всего в связи с деятельностью Смирнова, описал Б. С. Каганович [Каганович 2018: 65–72].

³ См., напр., его раннюю статью о Н. В. Гоголе [Гудзий 1913а]. Она была, между прочим, высоко оценена М. П. Алексеевым [Алексеев 1967: 62].

⁴ В этом же ряду стоит указать на доклад о творчестве А. А. Ахматовой, произнесенный Гудziem в Симферополе 28 октября 1921 г. на вечере, ей посвященном (см.: [Каганович 2018: 70]).

Но, без сомнения, главным центром для Гудзия была Москва (которую с осени 1921 г. он покидал достаточно редко и в целом ненадолго), а в ней — университет. Хотя он читал лекции и в других московских вузах (Педагогическом институте детской дефективности, Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина, Институте красной профессуры), однако средоточием его преподавательских трудов был именно филологический факультет МГУ (как бы в разные годы он ни назывался). После восстановления в составе университета в 1941 г. филологического факультета Гудзий был его деканом (1941–1944), позже заведовал кафедрой фольклора; здесь он воспитал большинство из многочисленных своих учеников.

Впрочем, пожалуй, не менее, нежели преподаванию, уделял Гудзий время и силы прямо академическим трудам, активно сотрудничая в академических учреждениях советской эпохи: вначале — в Государственной академии художественных наук (ГАХН), а с конца 1930-х гг. — в Институте мировой литературы (ИМЛИ) АН СССР. В нем он в 1939–1941 и 1945–1947 гг. заведовал Секцией древнерусской литературы и литературы XVIII в. Постоянная и последовательная заинтересованность Гудзия историей украинской литературы привела к его включенности в деятельность Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Оставаясь в Москве, он тем не менее руководил в этом институте Отделом русской литературы (1945–1952), а затем Отделом древней украинской литературы (1952–1961)⁵.

Научная биография Гудзия показывает его постоянную причастность как к университету, так и к академическим учреждениям. В некотором смысле подобную параллельность обнаруживают и исследовательские его труды. В них можно выделить две отдельные, однако все время пересекающиеся линии — академическую и просветительно-популяризаторскую. Конечно, подобное выделение носит отчетливо условный характер, но все же отражает нечто весьма важное в деятельности Гудзия. С одной стороны, он был строгим ученым, крайне ответственным в своей работе, а пройденная им у Перетца выучка определила его предрасположенность к кропотливым филологическим трудам. С другой же стороны, дар преподавателя в соединении с ярко выраженным общественным темпераментом обуславливал его постоянное стремление к распространению знаний. Последняя черта его облика находила самую активную поддержку в культурной политике 1920–1950-х гг., которая всячески поощряла просветительские начинания. Поэтому много сил Гудзий уделял написанию популярных статей и книг. И не только письменным словом стремился он распространять серьезные и основательные филологические знания; не менее важным было для Гудзия слово устное, слово педагога. Возможно, в первую очередь здесь следует упомянуть не его лекции (при всем их блеске и содержательности, о которых неизменно свидетельствуют едва ли не все мемуаристы), но знаменитый его семинар (семинарий) по творчеству Льва Толстого⁶, который он вел на протяжении многих лет в своей квартире на улице Грановского, продолжая почти угасшую к тому времени традицию домашних семинаров, скорее всего перенятую у бесконечно ценимого им Перетца (ведшего в бытность профессором Университета Св. Владимира в Киеве семинар у себя на дому,

⁵ О жизни и творчестве Гудзия см., в частности: [Робинсон 1957; Артамонов 2006].

⁶ См. об этом семинаре в воспоминаниях В. Я. Лакшина [Лакшин 1989].

на Мариинско-Благовещенской улице). А. В. Чичерин в статье о Гудзии такую пре-
емственность особо выделял:

И в науке, и в педагогической работе Николай Каллиникович пошел в своего учителя. Сколько студентов, аспирантов, диссертантов переступало потом порог кабинета на улице Грановского, дом № 4, с таким же самым чувством (речь идет об атмосфере праздника, которая, по ранее приведенным в цитируемой статье Чичерина словам Гудзия, была присуща семинарию Перетца. — П. Б.). В этом кабинете с глубокими темными креслами, где не было стен, не заставленных книгами⁷, и книг, не завешанных картинами, из года в год проходил семинарий по творчеству Льва Толстого и другие занятия [Чичерин 1985: 213].

Амплитуда исследовательских интересов

Впрочем, необходимо повторить: выделение в деятельности Гудзия двух линий имеет сугубо условный характер; его научное творчество обладало ясным внутренним единством. Каких бы читателей он ни имел в виду и какие бы цели перед собой ни ставил, он неизменно оставался профессионалом; дилетантизм был для Гудзия неприемлем. Поэтому его внешне популярные сочинения не просто легко выдерживают самую пристрастную фактографическую критику, но и обладают несомненным именно **научным** значением — как примеры ответственной профессиональной интерпретации творчества того или иного автора в определенную историческую эпоху. Это относится ко многим его работам, в том числе — рассчитанным на самого неподготовленного читателя, вроде газетной статьи о «Слове о полку Игореве» [Гудзий 1938a], в которой, по словам Л. А. Дмитриева, высказанные исследователем соображения о времени создания «Слова...» представляют несомненный интерес для науки [Дмитриев 1993: 178–179]. Тем более серьезными явлениями литературоведческой мысли являлись — при способе изложения, который можно назвать популярным, — такие работы Гудзия, как книги о Л. Н. Толстом и А. С. Пушкине [Гудзий 1949; 1960]⁸ или же статья о протопопе Аввакуме [Гудзий 1934], «популярность» которой разве что в том, что она была опубликована в качестве предисловия. Тут же надо назвать небольшую, но крайне содержательную книгу о рецепции Великой французской революции русской культурой самого конца XVIII — начала XIX в. [Гудзий 1944]; книжка эта демонстрирует в высшей степени серьезную осведомленность ученого в культурно-политических процессах той эпохи и свидетельствует о редком его умении лаконично (объем книжки — всего 125 страниц) и просто излагать собственное понимание сложнейших и противоречивых историко-литературных движений.

Следует сказать, что Гудзий уверенно чувствовал себя почти во всех областях литературоведения — его работы связаны с различными литературоведческими задачами и являются аналитическими штудиями разной направленности: текстологической, историко-литературной, компаративистической. Обращался Гудзий и

⁷ После смерти Гудзия его обширная библиотека была передана в дар Московскому университету [Кусков 1969]. — П. Б.

⁸ Существуют и другие варианты этих книг Гудзия, которые он не раз перерабатывал и расширял.

к литературному быту, и к истории филологической науки, и ко многому другому. Более того, его сочинения весьма многообразны также и по объектам исследования, т. е. по историческому и национальному своему материалу. Наверное, наибольшее количество сил он отдавал изучению древнерусской словесности, однако, с другой стороны, его исследования русской литературы XIX в. не менее многочисленны, они оказались в той же степени востребованы филологической наукой, как и его медиевистические труды. Пожалуй, именно они и вызывали наибольшие отклики, в том числе — полемические. Здесь в первую очередь следует назвать предложенное им решение вопроса о каноническом тексте «Войны и мира». В статье «Что считать каноническим текстом “Войны и мира”?» ученый предложил видеть этот канонический текст в третьем (1873) и четвертом (1880) прижизненных изданиях романа-эпопеи, где иноязычные фрагменты текста были даны в переводах, а историософские рассуждения отнесены в приложение [Гудзий 1963в]. Идея эта не была поддержана толстовцами [Гусев Н. Н. 1964; Жданов, Зайденшнур 1964; Опульская 1971; Чичерин 1985], но сам ее создатель отстаивал свои представления со свойственными ему увлечением и страстностью [Гудзий 1964]; вообще занятия текстологическими вопросами произведений Толстого были для Гудзиев делом совершенно особого порядка, о чем свидетельствуют его воспоминания:

Трудно передать захватывающее, радостное волнение, которое испытывал тот, перед кем воочию раскрывался процесс писательской работы гения, его творческая лаборатория, отпечатлевшаяся в громадном количестве черновых вариантов, в ряде предварительных редакций, содержащих драгоценные, впервые обнаруженные тексты, не вошедшие в окончательные редакции толстовских произведений [Гудзий 1968: 141].

Кроме Толстого, Гудзий рассматривал творчество и других писателей XIX в.: Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. Н. Островского, И. С. Тургенева; обращался он и к словесной культуре XVIII в. (Феофан Прокопович, Я. Б. Княжнин, ироикомиическая поэма, П. И. Сумароков), и к литературному процессу начала XX столетия — к символизму. Последнее особо важно: в работах, посвященных рецепции символистами Тютчева [Гудзий 1930] и наследию В. Я. Брюсова [Гудзий 1927; 1937] Гудзий выступил (наравне с П. Н. Медведевым и Д. Е. Максимовым) в числе самых первых **научных** исследователей русского символизма.

Как видим, действительный объем сделанного Гудзием в науке значительно шире медиевистических его занятий. На фоне некоторых филологов его многознающего в целом поколения он не был энциклопедистом — как, скажем, большой его друг А. И. Белецкий, В. М. Жирмунский или же, имея в виду эмигрантов, Д. И. Чижевский и П. М. Бицилли, — но среди русских медиевистов первой половины XX в. он, скорее всего, был единственным литературоведом, с несомненным успехом выходящим за пределы Средних веков и оставившим столь заметные следы в изучении новой русской литературы.

Это само по себе важно, но интереснее другое — судьба Гудзиев показывает, что при рецепции творческого наследия ученого — даже бесспорно успешной — может происходить не расширение горизонта ожидания (воспользуюсь понятием рецептивной эстетики), но, напротив, его сужение, причем не вполне соответствующее как реальному вкладу данного ученого в науку, так и позднейшей оценке специалистов. Тут уместно вспомнить, что заслуги Гудзиев в исследовании творчества Тол-

стого отмечались не реже, чем его успехи в освоении русского Средневековья, — и вскоре после смерти Гудзия (напр., В. Я. Лакшиным [Лакшин 1989]), и значительно позднее, в совсем недавнее время (А. Г. Гродецкой [Гродецкая 2012]). Следует заметить, что и учеников в области изучения литературы XIX в. Гудзий воспитал ничуть не меньше, нежели в медиевистике: достаточно назвать имена В. А. Ковалева, В. Я. Лакшина, О. Н. Михайлова, Л. Д. Опульской, П. В. Палиевского, безвременно умершего М. А. Щеглова, отчасти Я. С. Билинкиса. Подобная ситуация, возникающая в связи и с литераторами (а не только и даже не столько с учеными), требует к себе пристального внимания, она нуждается в обдумывании и связанной с ним определенной теоретической корректировке некоторых базовых представлений современной (уточню — относительно современной) теории литературы. И то, что обращение к Гудзию подводит к проблемам такого рода, свидетельствует об актуальности его литературоведческого наследия.

Опыт дореволюционной филологии и развитие русского литературоведения в советскую эпоху

Рассмотрев первый из выделенных в начале статьи вопросов — о формировании и развитии репутации ученого, — перейдем теперь ко второй проблеме: в какой мере и насколько наследие филолога такого типа, как Гудзий, может быть актуальным в наше время. А Гудзий, повторю, был не одинок — достаточно вспомнить уже поименованных выше ученых, близких ему по общим исследовательским позициям, к ним можно добавить и имя В. Л. Комаровича. И, конечно, в первую очередь в этом ряду следует назвать Перетца — учителя многих из них [Бухаркин 2017]. Как для большинства этих филологов, исходивших из наследия старой филологии (т. е. дореволюционной науки), центральным нервом литературной жизни для Гудзия неизменно оставалось литературное произведение. В одной из ранних работ он замечал: «Если мы решимся игнорировать соображения текстуального характера, соображения как раз наиболее объективные, то все наши построения повиснут в воздухе» [Гудзий 1913б: 3]. Такие «соображения текстуального характера» Гудзий никогда не игнорировал. Более того, он понимал их предельно широко — как жизнь текста во времени, на протяжении всей его творческой истории, а нередко — и посмертной судьбы, причем погружая анализируемый текст (в его динамике) в широкий историко-литературный контекст. В первую очередь ученый стремился проследить историю текста — с возможно большей скрупулезностью; верный последователь Перетца здесь прорывается в научном облике Гудзия особенно заметно. Причем крайне существенно, что сугубо текстовые проблемы истории текста для Гудзия были неразрывно связаны с вопросами чисто художественными; показательным примером является тут статья 1936 г. «Материалы для изучения стиля Л. Толстого. “Хозяин и работник” в первоначальной и окончательной редакции», в которой сопоставление двух редакций рассказа Толстого служит материалом для характеристики стиля писателя [Гудзий 1936]. Действительно, текст был важен ученому не только с точки зрения его истории; изучение истории текста — лишь первый (хотя абсолютно необходимый) шаг в интерпретации литературного произведения, цель которой состоит в прояснении его смысла — насколько это возможно при помощи слова науки. Подобная цель, а именно она и стояла в конечном счете перед Гудзием,

придает его сочинениям несомненную актуальность — ведь над решением данной задачи размышляли самые крупные и оригинальные филологи второй половины XX столетия, такие как А. В. Михайлов или С. Г. Бочаров. Гудзий, в полной мере оставаясь именно и только человеком науки и всячески избегая беллетризации научного своего слова⁹, тем не менее обладал редчайшим даром в своих пересказах передать сложный и открытый художественный смысл описываемого им текста с минимальными потерями для него и, одновременно, многое в нем проясняя. Эта способность (результат дара, а не умения) заметна во многих его трудах, но, очевидно, наиболее отчетливо проявляется она если и не в самом главном из них, то, во всяком случае, наиболее прославленном — в «Истории древней русской литературы», о чем писали и В. В. Кусков, и А. М. Ранчин [Кусков 1993; Ранчин 2002]. При этом они склонны были объяснять многочисленные пересказы древнерусских сочинений в этой книге вынужденными причинами, прежде всего — неизвестностью этих сочинений тогдашним читателям и запретом на многие из них. Дело, однако, далеко не только в этом — недаром Гудзий постоянно обращался к пересказам и в своих работах, созданных в счастливое время интеллектуальной свободы (напр., в уже упоминавшейся статье «К вопросу о авторе “Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев”» [Гудзий, 19136]), после Октябрьской революции для него навсегда прошедшее. Пересказ для Гудзия — одна из возможных и, вероятно, наиболее точных форм интерпретации; он, скорее всего бессознательно, пытается своими пересказами опровергнуть скептическое утверждение И. В. Гёте, переданное И. П. Эккерманом:

Может быть, стихотворение следовало бы пояснить, как поясняют картину, рассказывая о предшествующих моментах и тем самым как бы вдыхая жизнь в момент, в ней изображенный? — Я этого не считаю, — ответил он. — Картины — другое дело, стихи же состоят из слов, и одно слово может запросто уничтожить другое [Эккерман 1981: 89].

Гудзию как раз и удается сделать так, что одно слово не уничтожает другое, но проясняет его в свете позднейшего исторического опыта.

Обращение к пересказам было продиктовано Гудзию старой филологической наукой, верность которой он сохранял; но благодаря особому своему таланту ученый делает данный эвристический прием не просто успешным в учебных целях, но и актуальным с точки зрения самых современных филологических методик. Между прочим, тем самым он демонстрирует огромные потенции европейской (в том числе — русской) филологии конца XIX — начала XX в. Эвристические возможности литературоведения, нащупанные в то время, и соответствующий им язык научного описания нашли несомненное развитие в эмиграции — и у Бема, и у Бицилли (который как филолог был неизмеримо более традиционен, нежели как историк), с оговорками — даже и у Чижевского; впрочем, и в советской России эта традиция (как уже упоминалось) не исчезла, однако сохранилась она прежде всего в кругу медиевистов. Впрочем, ее следы можно обнаружить и в деятельности некоторых далеких от средневековой письменности ученых, напр., у Г. А. Бялого: и его

⁹ Некоторым исключением можно считать разве что уже упоминавшуюся статью о литературном дебюте Тургенева [Гудзий 1919в]. В ней несомненно проявляется «влияние литературной критики эпохи символизма» [Чичерин 1985: 216].

аналитические работы, и блестящие лекторские труды строилась на тех же основаниях; стоит вспомнить, что Бялый (так же как и Гудзий) был учеником Перетца [Памяти Григория Абрамовича Бялого 1996]. Но наследие этих ученых при общем взгляде на методологические (и, в конце концов, теоретические) поиски литературоведения XX столетия учитывается явно в недостаточной степени, остается несколько в тени. Поэтому его изучение — причем именно в аспекте литературоведческой методологии — представляется очень важным.

В «Истории древней русской литературы» Гудзия крайне бережное отношение к текстам дает и еще один чрезвычайно важный результат: благодаря этому древнерусская словесность демонстрирует свое многоголосие. Воссоздавая собственным изложением позиции древнерусских авторов, часто страстно противоположавшихся друг другу, Гудзий раскрывает исторические альтернативы Средневековья, избегая при этом каких-либо жестких оценок. В частности, он много пишет в соответствующих разделах учебника, объединенных под общим названием «Развитие областных литератур с конца XIV в. до середины XVI в.», о центробежных тенденциях областных литератур, противостоящих жесткой централизаторской политике Москвы [Гудзий 1938б: 212–275]. Благодаря этому картина культурной жизни средневековой восточной Руси в период ее перехода в московское культурно-политическое пространство приобретает панорамность и неоднозначность, утрачивает характер неизбежной и predeterminedенной однонаправленности. Кроме всего прочего, в этом проявилась и гражданская позиция ученого: акцентировать альтернативность русского исторического процесса, важность и плодотворность такой альтернативности в 1938 г. было вовсе не безопасно. Но здесь уже возникает новая проблема, неотъемлемая от рассмотрения деятельности Гудзия, — судьба ученого в эпоху 1920–1960-х гг.

Гудзий и его эпоха

С одной стороны, Гудзий был достаточно успешным ученым. В 1936 г. он получил ученую степень доктора литературоведения; занимал он, как указывалось выше, и административные должности. Состоял Гудзий и председателем Комиссии по истории филологических наук при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Он был награжден несколькими орденами и медалями, а в 1945 г. его избрали действительным членом Академии наук УССР.

Но тем не менее Гудзий никоим образом не входил в советскую номенклатурную элиту, более того — в нем всегда отчетливо проступали неприемлемые для этой элиты принципы и человеческие качества. Недаром в мемуарах современников Гудзий неизменно упоминается как свободолюбивый и смелый в своем свободомыслии ученый, в частности охотно дававший молодым своим ученикам запрещенные и полузапрещенные книги. К кругу его близких знакомых принадлежали такие фигуры, как А. А. Ахматова, С. Н. Дурылин, А. В. Чичерин, т. е. авторы, отчетливо противостоящие официозу. Переписывался Гудзий (правда, через посредников) с А. М. Ремизовым и публично лестно его оценивал [Маркелов 1993], что тоже было не вполне безопасно. Характеристики близко знавших Гудзия людей также рисуют его человеком крайне принципиальным и благородным — «Николай Калинин привлекал к себе окружающее общество как человек высокого благо-

родства, кристально чистой души, неизменной благожелательности, безупречной принципиальности, душевной щедрости...» [Виноградов 1965: 560–561]. Высоко ставил Гудзия (в том числе именно как человека) А. Т. Твардовский. «Николаю Каллиниковичу Гудзию — с глубоким уважением к ученому и человеку редкостной чеканки. А. Твардовский 19 IX.56. М.» — написал он на своей книге «Стихотворения» (М., 1954) в 1956 г. [Русские поэты 1996: 58].

Все эти человеческие свойства — и качества личности, и черты общественно-го его облика — проступали и в творчестве Гудзия; не только как человек, но и как исследователь он умел сохранять благородное достоинство. Нельзя сказать, чтобы идеологический и политический гнет, не исчезавший при его жизни, не оставил на нем отпечатка. В частности, с годами Гудзий, как и многие именитые советские ученые (и Жирмунский, и Смирнов, и В. В. Виноградов — называю самые значимые в науке имена), стал писать более блекло. Гудзий, возможно, слишком много сил отдавал популяризаторству (при всем высочайшем качестве этого популяризаторства). Он пользовался и советскими идеологическими штампами. Тем не менее даже и в относительно двусмысленных ситуациях он умел сохранять благородное достоинство. Так происходило в ходе его полемики с А. Мазоном по поводу подлинности «Слова о полку Игореве». Несмотря на определенную политическую ангажированность данных выступлений ученого, они в целом остаются все же скорее в пространстве **научной** полемики; все критические замечания основательно аргументированы, а их эмоциональность объясняется в первую очередь личной уверенностью ученого в собственной правоте. В. Е. Гусев писал как раз о подобных случаях:

При всей своей доброте, доверчивости и терпимости, Гудзий был человеком большого гражданского темперамента, бескомпромиссной научной принципиальности, неуступчивой убежденности. В журнальной полемике, в публичных дискуссиях, на литературных собраниях он отстаивал свои позиции... [Гусев В. Е. 1976: 162],

причем отстаивал вовсе не без резкости, вызванной в первую очередь собственными убеждениями. К подобного же рода случаям относятся и поздние статьи Гудзия о «братском единстве» восточнославянских литератур [Гудзий 1951; 1958; 1963б]. В этих сочинениях, хотя они создавались в несоизмеримо более благоприятные для гуманитарной мысли годы, ученый нередко тоже прибегал к идеологическим штампам советской эпохи, однако и тут этими штампами выражались серьезные, а главное — достаточно смелые представления о развитии средневековой восточнославянской словесности, в частности о самостоятельном характере западнорусских (украинской и белорусской) литератур позднего Средневековья и раннего Нового времени. Без подобного камуфляжа такие представления, скорее всего, не смогли бы дойти до своих читателей. Нельзя не согласиться с Ранчиным, полемизировавшим с теми, кто видел в Гудзии успешного сталинского ученого, а его книгу о древнерусской литературе квалифицировал как «учебник сталинской эпохи», отражающий все грехи и ложь этой эпохи (см.: [Ранчин 2003]); такие суждения глубоко несправедливы и попросту внеисторичны. Гудзий в некоторых отношениях был конформистом, но официозу своего времени он (подобно немалому числу других ученых) активно — как в своем деле, в гуманитарной науке (которая для него в любых обстоятельствах оставалась не просто гуманитарной, но и **гуманистической**), так и в человеческих своих отношениях — противостоял. Эпохе, с которой была

связана бóльшая часть его жизни, он делал уступки, но всегда и неизменно оставался предельно честным и искренним человеком. И большим ученым, служившим исключительно и только истине, как он ее понимал; недаром Д. С. Лихачев характеризовал его как «добротного правдолюбца», «правдоискателя — искателя правды для других» [Лихачев 1965]. К этому можно лишь добавить — и для себя самого.

Источники

- Алексеев 1967 — Алексеев М. П. Н. К. Гудзий: [Некролог]. В кн.: *Временник Пушкинской комиссии: 1964*. Л.: Наука, 1967. С. 61–63.
- Гудзий 1913а — Гудзий Н. К. Гоголь — критик Пушкина. *Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца*. 1913, 24 (1): 3–40.
- Гудзий 1913б — Гудзий Н. К. К вопросу о авторе «Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев»: (Оттиск из Русского филологического вестника. 1913 г. № 3). Варшава: б. и., 1913. 12 с.
- Гудзий 1919а — Гудзий Н. К. К истории русского сентиментализма: (Путешествие в Крым П. И. Сумарокова). *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. Симферополь, 1919, (56): 131–143.
- Гудзий 1919б — Гудзий Н. К. И. И. Козлов — переводчик Мицкевича. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. Симферополь, 1919, (57): 305–320.
- Гудзий 1919в — Гудзий Н. К. Литературный дебют Тургенева. (Вступительная лекция, прочитанная в Таврическом университете 8-го ноября 1918 г.). *Известия Таврического университета*. Симферополь, 1919, (1): 160–167.
- Гудзий 1927 — Гудзий Н. К. Из истории раннего русского символизма: Московские сборники «Русские символисты». *Искусство*. 1927, (4): 180–218.
- Гудзий 1930 — Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма. *Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР*. 1930, (3): 465–549.
- Гудзий 1934 — Гудзий Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. В кн.: [Аввакум]. *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения*. М.: Academia, 1934. С. 7–59.
- Гудзий 1936 — Гудзий Н. К. Материалы для изучения стиля Л. Толстого. «Хозяин и работник» в первоначальной и окончательной редакции. *Труды Орехово-Зуевского педагогического института*. 1936, (1): 41–53.
- Гудзий 1937 — Гудзий Н. К. Юношеское творчество Брюсова. В кн.: *Литературное наследство*. Т. 27–28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 198–238.
- Гудзий 1938а — Гудзий Н. К. Где, кем и когда было написано «Слово о полку Игореве»? *Литературная газета*. 1938, (21): 6.
- Гудзий 1938б — Гудзий Н. К. *История древней русской литературы: учебник для высших учебных заведений*. М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
- Гудзий 1944 — Гудзий Н. К. *Французская буржуазная революция и русская литература*. М.: Московский государственный университет, 1944. 125 с.
- Гудзий 1949 — Гудзий Н. К. *Пушкин: Критико-биографический очерк*. Киев: Государственное издательство художественной литературы, 1949. 144 с.
- Гудзий 1951 — Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси в истории братских литератур. В кн.: *Русско-украинские литературные связи: сборник статей*. Гудзий Н. К. (ред.). М.: Гослитиздат, 1951. С. 41–78.
- Гудзий 1958 — Гудзий Н. К. *Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы*. Сер.: IV Международный съезд славистов: доклады. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 65 с.
- Гудзий 1960 — Гудзий Н. К. *Лев Толстой: Критико-биографический очерк*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гослитиздат, 1960. 214 с.
- Гудзий 1963а — Гудзий Н. К. К семидесятипятилетию со дня рождения Варвары Павловны Адриановой-Перетц. *Русская литература*. 1963, (2): 264–266.

- Гудзий 1963б — Гудзий Н. К. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах. В кн.: *Славянские литературы: Доклады советской делегации: V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)*. Виноградов В. В., Робинсон А. М. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 14–46.
- Гудзий 1963в — Гудзий Н. К. Что считать каноническим текстом «Войны и мира»? *Новый мир*. 1963, (4): 234–246.
- Гудзий 1964 — Гудзий Н. К. Еще раз о каноническом тексте «Войны и мира». *Вопросы литературы*. 1964, (2): 190–200.
- Гудзий 1965 — Гудзий Н. К. Памяти учителя. *Русская литература*. 1965, (4): 167–169.
- Гудзий 1968 — Гудзий Н. К. Автобиография. В кн.: *Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии*. Лихачев Д. С., Кулешов В. И. (ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 127–144.

Литература

- Артамонов 2006 — Артамонов Ю. А. Гудзий. В кн.: *Православная энциклопедия*. Т. 13. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 424–426.
- Бухаркин 2017 — Бухаркин П. Е. Об одной из возможных историй русской литературы XVIII века (В. Н. Перетц как исследователь восточнославянских литератур второй половины XVII — начала XIX века). В кн.: *Литературная культура России XVIII века*. Вып. 7. СПб.: Геликон Плюс, 2017. С. 5–22.
- Виноградов 1965 — Виноградов В. В. Научно-исследовательский путь Н. К. Гудзия. В кн.: *Литературное наследство*. Т. 75: Толстой и зарубежный мир: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1965. С. 558–561.
- Виноградов 1976 — Виноградов В. В. *Избранные труды: Поэтика русской литературы*. М.: Наука, 1976. 516 с.
- Гродецкая 2012 — Гродецкая А. Г. Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия. *Русская литература*. 2012, (3): 73–87.
- Гусев В. Е. 1976 — Гусев В. Е. Николай Каллиникович Гудзий. *Вопросы литературы*. 1976, (6): 161–177.
- Гусев Н. Н. 1964 — Гусев Н. Н. О каноническом тексте «Войны и мира». *Вопросы литературы*. 1964, (2): 179–190.
- Дмитриев 1993 — Дмитриев Л. А. Н. К. Гудзий — исследователь «Слова о полку Игореве». В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 46. Лихачев Д. С. (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 176–185.
- Жданов, Зайденшнур 1964 — Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е. Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого. *Русская литература*. 1964, (2): 133–139.
- Каганович 2018 — Каганович Б. С. *Александр Александрович Смирнов: 1883–1962*. СПб.: Европейский дом, 2018. 240 с.
- Кусков 1969 — Кусков В. В. Дар ученого университету: (О передаче библиотеки Н. К. Гудзия научной библиотеке МГУ). *Вестник Московского университета. Сер. 10: Филология*. 1969, 24 (3): 95–96.
- Кусков 1993 — Кусков В. В. Н. К. Гудзий — создатель первого вузовского учебника по истории древней русской литературы. В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 46. Лихачев Д. С. (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 170–175.
- Лакшин 1989 — Лакшин В. Я. Профессор Гудзий. В кн.: *Открытая дверь: Воспоминания и портреты*. М.: Московский рабочий, 1989. С. 3–13.
- Лихачев 1965 — Лихачев Д. С. О Н. К. Гудзии — человеке. В кн.: *Литературное наследство*. Т. 75: Толстой и зарубежный мир: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1965. С. 562.
- Маркелов 1993 — Маркелов Г. В. Письма Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву. В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 46. Лихачев Д. С. (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 194–198.
- Опульская 1971 — Опульская Л. Д. Как же печатать «Войну и мир»? В кн.: *Страницы истории русской литературы: К 80-летию Н. Ф. Бельчикова*. Марков Д. Ф. (ред.). М.: Наука, 1971. С. 306–315.
- Памяти Григория Абрамовича Бялого 1996 — *Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения: Научные статьи. Воспоминания*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 213 с.

- Ранчин 2002 — Ранчин А. М. О Николае Каллиниковиче Гудзии и его учебнике. В кн.: Гудзий Н. К. *Древняя русская литература*. 8-е изд. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 5–17. https://studopedia.net/9_28298_o-nikolae-kallinikoviche-gudzii-i-ego-uchebnike.html (дата обращения: 15.04.2019).
- Ранчин 2003 — Ранчин А. М. В защиту «сталиниста» Н. К. Гудзия, или Каким может и не может быть история древнерусской словесности. *Новое литературное обозрение*. 2003, 59 (1): 571–589.
- Робинсон 1957 — Робинсон А. Н. К семидесятилетию Николая Каллиниковича Гудзия: (Очерк жизни и деятельности). В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 13. Лихачев Д. С. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 319–325.
- Русские поэты 1996 — *Русские поэты XX века в библиотеке Н. К. Гудзия: издания 1890–1965 гг.: каталог*. Сост. Е. С. Кашутина. М.: Литературное обозрение, 1996. 159 с.
- Чичерин 1985 — Чичерин А. В. Николай Каллиникович Гудзий. В кн.: Чичерин А. В. *Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания*. М.: Советский писатель, 1985. С. 208–228.
- Эккерман 1981 — Эккерман И. П. *Разговоры с Гете в последние годы его жизни*. Пер. с нем. Н. Ман. М.: Художественная литература, 1981. 687 с.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2020 г.
Статья рекомендована в печать 10 апреля 2020 г.

Petr E. Bukharkin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
p.bukharkin@spbu.ru

N. K. Gudziy — image of the scholar in historical retrospective

For citation: Bukharkin P. E. N. K. Gudziy — image of the scholar in historical retrospective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (2): 158–171.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.201> (In Russian)

In the last decades, the history of philology has attracted significant attention. As a result, studying the heritage of prominent scholars who made their contribution to philology is undoubtedly important. Gudziy (1887–1965) belongs to such scholars. The article provides a general review of his career with a focus on the most up-to-date issues. In the context of modern culture, Gudziy’s works are of interest in three aspects. Firstly, Gudziy is a good example of a sharp mismatch of general cultural reputation of a scholar with the real volume of his achievements. Gudziy is known primarily as the author of the famous textbook “The History of Old Russian Literature”. However, his creative activity was not limited by this book and by medieval studies in general. As a scholar he left a tangible trace in many branches of literary criticism. Secondly, Gudziy was considered to be one of the few successful scholars of the first half of the 20th century who relied mostly on the experience of the pre-revolutionary philology: he was more traditional than innovative. However, his works are of great importance and in some respects they have retained their significance till nowadays. Thirdly, the fate of Gudziy provides grounds for comprehending the position of a successful, though principled, humanitarian scholar in the 1930s — early 1950s, the limits of his possibilities and necessary compromises. From this point of view on the problems, Gudziy’s works and his scholarly career are considered in this article.

Keywords: N. K. Gudziy, philology, Slavic studies, Russian literature, Medieval studies.

References

- Артамонов 2006 — Artamonov Iu. A. Gudziy. In: *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Vol. 13. Moscow: Tserk-nauch. tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia” Publ., 2006. P. 424–426. (In Russian)
- Бухаркин 2017 — Bukharkin P. E. On one of the possible histories of Russian 18th century literature (V. N. Peretz as a researcher of mid 17th — early 19th East Slavonic literatures). In: *Literaturnaia kul’tura Rossii XVIII veka*. Issue 7. St. Petersburg: Gelikon Plus Publ., 2017. P. 5–22.

- Виноградов 1965 — Vinogradov V.V. The research career of N.K.Gudziy. In: *Literaturnoe nasledstvo*. Vol.75: Tolstoi i zarubezhnyi mir: in 2 books. Book 2. Moscow: Nauka Publ., 1965. P.558–561. (In Russian)
- Виноградов 1976 — Vinogradov V.V. *Selected works: Poetics of Russian literature*. Moscow: Nauka Publ., 1976. 516 p. (In Russian)
- Гродецкая 2012 — Grodetskaia A. G. The text of “Resurrection” in the reconstruction of N.K.Gudziy. *Russkaia literatūra*. 2012. (3): 73–87. (In Russian)
- Гусев В. Е. 1976 — Gusev V.E. Nikolai Kallinikovich Gudziy. *Voprosy literatury*. 1976, (6): 161–177. (In Russian)
- Гусев Н. Н. 1964 — Gusev N.N. On the canonical text of “War and Peace”. *Voprosy literatury*. 1964, (2): 179–190. (In Russian)
- Дмитриев 1993 — Dmitriev L. A. N.K.Gudziy — the researcher of “The Song of Igor’s Campaign”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 46. Likhachev D.S. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1993. P.176–185. (In Russian)
- Жданов, Зайденшнур 1964 — Zhdanov V. A., Zaidenshnur E.E. About the edition of L.Tolstoy’s works once again. *Russkaia literatūra*. 1964, (2): 133–139. (In Russian)
- Каганович 2018 — Kaganovich B.S. *Aleksandr Aleksandrovich Smirnov: 1883–1962*. St. Petersburg: Evropeiskii dom Publ., 2018. 240 p. (In Russian)
- Кусков 1969 — Kuskov V.V. The gift of the scholar to the university: (About presenting of Gudziy’s library to Moscow University). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Filologiya*. 1969, 24 (3): 95–96. (In Russian)
- Кусков 1993 — Kuskov V.V. N.K.Gudziy — the author of the first university textbook on the history of Old Russian literature. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 46. Likhachev D.S. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1993. P.170–175. (In Russian)
- Лакшин 1989 — Lakshin V.Ia. Professor Gudziy. In: Lakshin V.Ia. *Otkrytaia dver’: Vospominaniia i portrety*. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1989. P.3–13. (In Russian)
- Лихачев 1965 — Likhachev D.S. About N.K.Gudziy — the person. In: *Literaturnoe nasledstvo*. Vol.75: Tolstoi i zarubezhnyi mir: in 2 books. Book 2. Moscow: Nauka Publ., 1965. P.562.
- Маркелов 1993 — Markelov G.V. N.K.Gudziy’s letters to V.I.Malyshev. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 46. Likhachev D.S. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1993. P.194–198. (In Russian)
- Опульская 1971 — Opuł’skaia L. D. How to publish “War and Peace”? In: *Stranitsy istorii russkoi literatury: K 80-letiiu N. F. Bel’chikova*. Markov D.F. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1971. P.306–315. (In Russian)
- Памяти Григория Абрамовича Бялого 1996 — *In memory of Grigory Abramovich Bialyi: the 90th anniversary of the birth: Scientific articles. Memories*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 1996. 213 p.
- Ранчин 2002 — Ranchin A.M. About Nikolai Kallinikovich Gudziy and his textbook. In: Gudziy N.K. *Drevniaia russkaia literatūra*. 8th ed. Moscow: Aspekt Press Publ., 2002. P.5–17. https://studopedia.net/9_28298_o-nikolaie-kallinikoviche-gudzii-i-ego-uchebnike.html (access date: 15.04.2019). (In Russian)
- Ранчин 2003 — Ranchin A.M. In defence of “stalinist” N.K.Gudziy, or What can and what cannot be the history of Old Russian literature. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003, 59 (1): 571–589. (In Russian)
- Робинсон 1957 — Robinson A.N. On the occasion of the 70th anniversary of Nikolai Kallinikovich Gudziy: (Essay of life and career). In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 13. Likhachev D.S. (ed.). Moscow: Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. P.319–325. (In Russian)
- Русские поэты 1996 — *Twentieth-century Russian poets in N.K.Gudziy’s library: Editions of the 1890s — 1965: A catalogue*. Comp. by E.S.Kashutina. Moscow: Literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 159 p. (In Russian)
- Чичерин 1985 — Chicherin A. V. Nikolai Kallinikovich Gudziy. In: Chicherin A. V. *Sila poeticheskogo slova: Stat’i. Vospominaniia*. Moscow: Sovetskii pisatel’ Publ., 1985. P.208–228. (In Russian)
- Эккерман 1981 — Eckermann J.P. *Conversations with Goethe in the last years of his life*. Transl. from German by N.Man. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. 687 p. (In Russian)

Received: February 2, 2020

Accepted: April 10, 2020